

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

СБОРНИК

—
СТАТЬИ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПУБЛИКАЦИИ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В сборник, выпущенный к пятидесятилетию со дня смерти Антона Павловича Чехова, вошли статьи, исследования и публикации, касающиеся некоторых сторон биографии и творческого наследия великого русского писателя.

В создании сборника приняли активное участие доцент Ростовского государственного университета Л. П. Громов и научный сотрудник ялтинского дома-музея А. П. Чехова Н. А. Сысоев.

Ростовское книжное издательство приносит горячую благодарность сестре писателя Марии Павловне Чеховой за ее большую помощь в организации материалов для сборника.

Мария ЧЕХОВА

ДЕТСТВО

(Отрывок из воспоминаний)

Я родилась в Таганроге в 1863 году.

Помню себя примерно с 6-летнего возраста. Мы жили тогда в двухэтажном доме Мойсеева на углу Монастырской и Ярмарочной улиц. В первом этаже у отца был небольшой колониальный магазин, а во втором этаже и частично в первом размещалась наша довольно большая семья: отец, мать, шестеро детей.

У меня было пять братьев. Александр был старше меня на 8 лет, Николай — на 6 лет, Антон — на 3½ года, Иван — на 1 год, и на 2 года моложе меня был брат Михаил. Нелегко было нашему отцу, занимавшемуся мелкой торговлей, содержать такую семью. Всем нам, детям, приходилось много работать. Я была единственной девочкой в семье, и мне больше других пришлось помогать матери по хозяйству и по дому. Старшие братья, в том числе и Антоша, обычно помогали отцу в лавке.

По существовавшему в те времена строгому укладу патриархальной семейной жизни отец наш был требовательным и взыскательным. Не обходилось иной раз и без наказания ремнем провинившихся братьев. Но все это, однако, не дает основания называть нашего отца «жестоким», «деспотическим», как об этом говорят в своих трудах авторы, пишущие о детстве Антона Павловича. Доводилось иногда от отца и Антоше. Впоследствии, уже будучи взрослым, Антон Павлович порицал отца за его

суровые методы воспитания детей. Однако нельзя забывать и о характере эпохи, в которую жил отец. Надо учитывать, что дед наш, Егор Михайлович, прошел суровую жизненную школу крепостного крестьянства и что отец — Павел Егорович — в юности своей до выкупа также был крепостным, что строгость, суровость семейного уклада нашей жизни были отголоском той жестокой, подневольной жизни, гнет которой испытал отец в детстве. Впоследствии я удивлялся, откуда у отца его любовь к музыке, пению, его стремление дать своим детям широкое образование. Ведь достаточно вспомнить быт купеческих семей того времени с их реакционными взглядами на образование своих детей, чтобы понять, насколько выше своего сословия стоял наш отец.

Литературоведы, пишущие о деспотической натуре Павла Егоровича, обычно ссылаются на письма и воспоминания моего старшего брата Александра Павловича. Но нужно учитывать, что старший брат при всех его способностях и талантах был больным человеком и во время вспышек болезни (запой) много фантазировал. В опубликованных им воспоминаниях о детских и последующих годах жизни Антона Павловича столько явных неправдоподобностей, что они бросаются в глаза не только людям, близким к нашей семье, но и любому чеховеду.

Из всех моих братьев тяжелые характеры в детские годы имели Александр и Иван. Из писем отца к старшим сыновьям можно видеть, как его иногда обижал брат Саша в юношеские годы своей жизни и как тонко понимал отец характер и натуру своего старшего сына, как острожно и тактично влиял на его воспитание. В моем архиве сохранились подлинные письма отца. Вот, например, выдержка из одного отцовского письма старшему брату Александру, жившему в то время на квартире у директора гимназии в качестве репетитора его детей:

«Саша, по этому ответу я вижу, мы тебе не нужны, что мы дали волю, которую и сам можешь жить и управлять в таких молодых годах. Значит советов наших ты слушать не будешь... Иди по своей воле, как знаешь, ты и без нас можешь обойтись и жить. Только жаль, что так рано стал забывать отца и мать, которые тебе преданы всей душой и не искали средств и здоровья, чтобы дать воспитание... После этого я одного у тебя прошу: перемени свой характер, будь добр к нам и к себе, ты хорош и умен, но только

не видишь себя и в самом тебе живет какой-то дух презрения. Вооружаться, Саша, на нас великий грех... 8 апреля 1875 г.»

Наша мать, Евгения Яковлевна, в отличие от отца была очень мягкой, тихой женщиной. Она обладала поэтической натурой. Я помню, с каким интересом мы слушали ее необыкновенные, фантастические, исполненные поэзии рассказы. На фоне внешней суровости отца материнская заботливость и нежное отношение к детям воспринимались нами с особенной остротой и горячей признательностью. Впоследствии Антон Павлович очень верно сказал:

— Талант у нас со стороны отца, а душа со стороны матери.

О характере отца, о несправедливости обвинения его в жестокости и, наконец, о значении для нас наших родителей ярко говорит письмо самого Антона Павловича, написанное им еще в 17-летнем возрасте двоюродному брату Михаилу Михайловичу Чехову:

«... Отец и мать — единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни».

Так верно и тонко оценил характер наших родителей Антон Павлович, будучи еще юношей, и через всю свою жизнь пронес свою любовь к ним.

Но, повторяю, при всем этом Антон Павлович никогда не соглашался с воспитательными методами отца, отрицательно относился к его религиозным предрассудкам.

Хотя нам, детям, и приходилось много работать, но жили мы дружно и весело. Игры, шутки, шалости, смех всегда царил в нашем доме. Главную роль в создании всяких шутливых импровизаций, невинных детских проказ всегда играл Антоша. Он был их неизменным начинщиком. В моей памяти сохранились, например, наши детские спектакли, организованные Антошей. В одном из них однажды принимала участие и я — тогда еще совсем маленькая девочка. Я изображала роль Татьяны Чепрухи, причем помню, как я стеснялась и мне было стыдно, когда Антоша по ходу действия при всех обнимал меня на «сцене».

Позднее, став подростками, мы сильно увлекались гоголевскими произведениями, их персонажами и очень часто использовали их в разыгрывании различных сценок. Братья Антон и Иван нередко исполняли целые сценки из повестей Гоголя. Они удачно гримировались, наряжались в украинские одежды, устраивали себе чубы. Брат Николай с большим юмором исполнял сценку из гоголевской «Ночи перед Рождеством», изображая пьяного Чуба, разыскивающего в метель свою хату.

Особенно большой популярностью в нашей семье пользовался гоголевский «Ревизор». Его в детстве мы разыгрывали в домашних спектаклях очень часто. Антон Павлович обычно играл городничего. Он надевал свой парадный гимназический мундир с блестящими пуговицами и для того, чтобы быть солидным, засовывал под мундир в соответствующие места подушечки. Поверх мундира надевал, вместо шпаги, обыкновенную саблю и цеплял на себя самодельные ордена. Гримировался он очень тщательно и, нужно сказать, необычайно искусно. Из всех «артистов» он, бесспорно, был самым талантливым. Он фактически был, выражаясь театральным языком, режиссером и постановщиком спектакля.

Брат Иван обычно играл Хлестакова, а я исполняла роль Марьи Антоновны — дочери городничего (жену городничего Анну Андреевну за отсутствием подходящей артистки никто не играл). Николай Павлович играл иногда слугу Осипа, иногда судью Тяпкина-Ляпкина. Не могу теперь без улыбки вспомнить некоторые детали из этого спектакля. Когда в одном из действий Хлестаков — брат Иван — придвигался ко мне и хотел меня обнять, я должна была по ходу пьесы отодвигаться от него. Я делала это с особенным усердием: я стеснялась объятий брата на виду у зрителей, состоявших обычно из наших родителей, родных, знакомых, соседей. В конце концов я так упорно отодвигалась до самой стены комнаты, что все диалоги уже заканчивались, а Хлестаков так и не успел меня поцеловать в нужный момент.

Брат Антон с детских лет обладал необычайно острой наблюдательностью. Он мастерски, например, изображал и передавал какое-либо событие, сценку, виденные им в городе, в гимназии или в знакомых домах. Пародируя смешные черточки кого-либо из знакомых, он заставлял всех зрителей, и детских и взрослых, смеяться до упаду.

Домик, где родился и жил А. П. Чехов

Фото К. Миротворского

Доставалось от Антоши и братьям. Используя подмеченные у них характерные черты, привычки, он давал братьям названия и прозвища, полные юмора, а порой и обидные. Так, брата Николая он прозвал «косым» за то, что тот, рассказывая что-либо, имел привычку прищуривать один глаз. Ему же он дал и кличку «макароны в кораблях» за действительно комичный вид его фигуры с тонкими ногами в очень узких брюках и огромных кожаных калошах. Кстати, эти брюки были сшиты собственноручно Антошей во время изучения им портняжного мастерства в ремесленной школе, куда, помимо гимназии, записались учиться мои братья. Когда Антоша шил для брата эти брюки, Коля убедительно просил его сделать их как можно поуже (тогда была мода на узкие брюки), Антоша и постарался.

Не избегла участи насмешливых прозвищ и я. Антоша дал мне целых три прозвища: «Москвля», «Чечевница» и «Сияние». Последнее название казалось мне особенно обидным, и я плакала из-за него. В детстве у меня были короткие и упрямые волосы. Чтобы они мне не мешали, я сдерживала их полукруглым гребешком, но волосы все же не слушались и, торчась, стояли на голове вокруг гребешка в виде сияния. Отсюда и прозвище, данное мне братом и казавшееся мне незаслуженно обидным.

Наш отец был ревностным исполнителем всех церковных служб, полагавшихся в праздничные дни, и всю семью заставлял присутствовать на них. Для нас, детей, порой это бывало нелегко: нужно было рано вставать, а в церкви долго стоять. Но и тут братья шутили. Вот, например, такой эпизод. Раннее утро. Еще сладко спится и совсем не хочется вставать. Но мать каждого топчет, а то можно опоздать к обедне, отец будет сердиться. Сам он ушел раньше всех. Наконец, все готовы, лишь один Антоша лежит, укрывшись одеялом с головой, и не реагирует на уговоры матери.

— Антоша, ну же, вставай... Пора уже идти к обедне. Ведь рассердится отец, знаешь, какой он!..

Брат дрыгает ногой и не слушается.

Мы уходим в церковь без него. Коля тоже с нами не идет. Он уже раньше ушел. Он очень любил звонить на колокольне, и нужно сказать, что, благодаря своей врожденной музыкальности, звоня во все колокола, достигал хорошей гармоничности.

По дороге в церковь мы неожиданно увидели впереди себя как ни в чем не бывало идущего Антошу. Оказывается, он обманул мать и еще под одеялом оделся, а после нашего ухода быстро встал, умылся и, идя переулками, обогнал нас. Приближаемся к церкви, и вдруг... ударили во все колокола. Всех удивил веселый перезвон. Это, оказывается, Коля, увидев с колокольни мать, решил приветствовать ее встречным звоном, что, кстати говоря, полагалось делать только во время приближения к церкви священника. Брату за это от отца, конечно, досталось.

Часто потом вспоминали в нашей семье о том, как Николай встречал свою мать колокольным звоном, и всякий раз от души смеялись.

Со временем у моих братьев появились свои интересы, свойственные мальчикам, в круг которых они меня не вводили. И хотя я продолжала принимать участие в совместных играх в ланту, в бабки, но все же как-то меньше стала общаться с братьями, да и привязанность к матери отвлекала меня от особенного сближения с братьями в этот период.

Несколько особняком держался уже в то время самый старший брат, Александр, учившийся в последних классах гимназии. Он не принимал участия в нашей детской жизни и играх. А в дальнейшем, будучи в последнем классе, он и совсем переселился из нашего дома к директору мужской гимназии Э. Р. Рейтлингеру и, в качестве репетитора его детей, стал самостоятельно зарабатывать.

* * *

В августе 1875 года семья наша уменьшилась: уехали учиться в Москву два старших брата. Александр, закончив гимназию, поступил в Московский университет, а Николай, проявивший большие способности в рисовании, уехал со старшим братом, чтобы учиться в Училище живописи, ваяния и зодчества.

В это же время стали ухудшаться торговые дела нашего отца. В его письмах старшим сыновьям в Москву начинают появляться тревожные нотки. Так, в письме от 18 августа 1875 года он пишет: «Торговля моя делается день ото дня подлейшая. Я стал уже падать духом и приходить в уныние, от меня и мама делается не своя. Ах, деньги, деньги! Как их трудно доставать без протекции и честным образом...»

Наш отец никогда не проявлял таланта в торговых делах, не был, что называется, настоящим купцом. В конце концов он так запутался в коммерческих делах, влез в такие долги, что вынужден был закрыть свою лавку. В апреле 1876 года разорение отца стало совершившимся фактом. 23 апреля из-за оставшихся долгов отец буквально чуть ли не бежал из Таганрога в Москву. Это событие перевернуло всю нашу жизнь и изменило все ее течение.

В Москве отец поселился у Саши и Коли. Жили они бедно, по-студенчески, и приехавшему отцу ничем помочь не могли. Построенный в Таганроге дом был отобран в уплату долгов.

В июле 1876 года наша мать со мной и младшим братом Мишей также приехала к отцу в Москву. Антоша и Ваня остались в Таганроге, чтобы продолжать учиться в гимназии. Но Иван вскоре тоже переехал к нам, и Антоша остался в Таганроге один.

Так грустно закончились беспечные годы детства в родном городе и началось тяжелое время нужды и бедности в Москве.

